

Казанское дворянство и революции 1917 г.: женский взгляд

*Е. В. Миронова,
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ,
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация*

Kazan nobility and the revolutions of 1917: women's view

*Yelena V. Mironova,
Sh. Mardzhani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, the Republic of Tatarstan, the Russian Federation*

Аннотация

В статье изучается взгляд женщин-дворянок Казанской губернии на события революции 1917 г. На основе воспоминаний и материалов Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан проанализированы особенности их жизни в исследуемый период. Если до февраля 1917 г. материальное положение дворянок оставалось благополучным, и они могли посвятить себя благотворительности, помощи больным и раненым, либо взяться за управление помещьем, пока главы семейств находились на фронте, то после свержения самодержавной власти ситуация стала меняться. Автор рассматривает несколько типов поведения дворянок в революционный год, для чего обращается к источникам личного происхождения, позволяющим увидеть все проблемы «изнутри». Младшая представительница рода Боратынских – Ольга Ильина – была типичной «светской барышней», рассуждавшей о высоком предназначении дворянства и необходимости сохранения его имущественных позиций, поэтому после февральских событий она не остается сторонним наблюдателем перемен, а пытается стать активным участником общественной жизни. В царившем хаосе, в период всеобщей неразберихи столь же стремительно, как и политическая ситуация в стране, менялись и личные планы дворянки. Более приближенной к проблемам быта была другая представительница семьи Боратынских – родная тетя Ольги Ильиной – Ксения. Благодаря ее воспоминаниям, мы узнаем о материальных трудностях, с которыми столкнулось и дворянство в условиях продовольственного кризиса и роста инфляции. Как и племянница, она предпринимала попытки проявить политическую активность, но, в отличие от Ольги, приветствовала смену режима. Были примеры и нестандартного для дворянской среды поведения, когда женщины не просто активно участвовали в общественно-политической жизни губернии, но даже находились в открытой оппозиции по отношению к царской власти. В заключении автор делает вывод, что дворянки во время революций 1917 г. являлись одним из наименее защищенных слоев населения, но стойко принимали все невзгоды.

Abstract

The article studies the view of noblewomen of Kazan province on the events of the Russian Revolution of 1917. Based on the reminiscences and materials of Central State Archive

of Historical and Political Documentation of the Republic of Tatarstan, peculiarities of their lives within the period under study have been analyzed. Prior to February 1917 their material status remained the same and women were able to devote themselves to charity, assistance to the sick and wounded, or take on management of the estates while the heads of the families were serving at the front, but after the overthrow of the autocratic power the situation with the noblewomen started changing. The author considers several types of behavior of noblewomen during the year of the Revolution, for that reason she refers to the sources of personal origin and archival materials to see all the problems from “inside”. The youngest member of the Boratynsky dynasty, Olga Ilyina, was a typical “secular young lady”, discoursing upon the highest destiny of the nobility and necessity of preserving their property positions, therefore after the events of February she did not keep on being a stander by but was trying to become an active participant in public life. Within the reigning chaos and general mess personal plans of the noblewoman were changing as quickly as the political situation in the country. Another member of the Boratynsky family, Olga Ilyina’s aunt Ksenia, was closer to daily life problems. Thanks to her reminiscences we become aware of the financial difficulties faced by the nobility under the conditions of the food crisis and rise in inflation. Like her niece, she attempted to display an active political activity, but, unlike Olga, she embraced the regime change. There were examples of the nobility’s behavior being non-standard, when women not only took an active part in the political and social life of the province, but also openly opposed the throne. In summary the author draws the conclusion that during the revolutions of 1917 noblewomen were one of the least protected social groups but they bore their misfortunes bravely.

Ключевые слова

История, Казанская губерния, Февральская революция, Октябрьская революция, 1917 год, дворянство, повседневность, гендерная история.

Keywords

History, Kazan Province, the February Revolution, the October Revolution, 1917, nobility, daily routine, gender history.

К 1917 г. дворяне хотя и перестали пользоваться налоговыми и правовыми преимуществами, как это было в XVIII-XIX вв., и практически сравнялись в правах с другими сословиями, но на деле многие из них продолжали оставаться привилегированной прослойкой общества. Они имели значительное представительство во власти как в Петербурге, так и в провинции. В земских органах самоуправления должности председателей, как правило, так же занимали именно дворяне.

С началом Первой мировой войны большинство мужчин ушли на фронт; дворяне не стали исключением и обычно занимали офицерские должности. Оставшимся дома женам и дочерям по-прежнему шел доход с поместья, но им пришлось взять ведение хозяйства на себя. Кроме того, они занимались благотворительностью, оказывая помощь фронту и раненым.

Однако после Февральской революции положение дворян стало меняться. Носить офицерскую форму с погонами стало опасно, участились случаи нападений крестьян на имения, а иногда местная власть вставала на их сторону и вопреки постановлениям Временного правительства одобряла отъем помещичьей земли и имущества в пользу сельских обществ. Такое внезапное

изменение положения стало для дворян большой неожиданностью. Особенно тяжело пришлось женщинам, большинство которых в такой кризисный момент оказалось без поддержки мужей.

Историки дворянства обычно исследовали быт и экономические отношения в дворянской среде в мирное время, а поведение представителей сословия в критических ситуациях практически не рассматривалось. Между тем, такой подход позволяет по-новому взглянуть на дворянскую самоидентификацию, поскольку в пограничных ситуациях она проявляется более ярко. Тем более это заметно среди женщин, которые являлись хранительницами традиций.

Хотя большинство опубликованных воспоминаний о событиях 1917 г. составляют мемуары рабочих, большевиков, которые были востребованы в советское время, до нас дошли описания того периода и казанских дворянок. Прежде всего это автобиографический роман Ольги Ильиной (в девичестве Боратынской) «Канун восьмого дня»¹. Написанный много позже, он наполнен авторской рефлексией мыслей и чувств, которые она тогда переживала, и является очень ценным источником. Также остались воспоминания ее тети, Ксении Николаевны Боратынской². В них больше бытовых вопросов, чем философских, и в совокупности с книгой Ильиной позволяют нам увидеть, как жилось дворянкам в Казани в тот непростой период.

Семья Боратынских даже в период войны не осталась без главы семейства. Александру Николаевичу Боратынскому в 1914 г. было 47 лет и он уже не подлежал призыву. Поэтому его дочери Ольге и сестре Ксении, муж которой также остался рядом, не приходилось волноваться о хозяйственных делах. По-прежнему продолжали поступать доходы с имений, которые позволяли им не бедствовать и вести сытую жизнь. Однако затяжной характер войны неизбежно вел к разрухе в экономической жизни – наблюдался дефицит и рост цен на предметы первой необходимости. Даже обеспеченные слои населения начинали испытывать на себе тяготы военного времени. Ксения Николаевна приводит цены до войны, к марту 1917 г. и к октябрю того же года на продукты, которые, очевидно, имели для нее важное значение. К ним относятся масло, молоко, курица, ржаной и белый хлеб, мясо, яйца, ржаная мука, нитки, штопальная бумага, чулки и ситец. Так, стоимость фунта ржаного хлеба взлетела с 2,5 копеек в предвоенный период до 18 копеек перед Октябрьской революцией. Белый хлеб исчезает с прилавков еще весной 1917 г., то же происходит с постным маслом, яйцами, ситцем и штопальной бумагой к октябрю. Но надо отметить, что такой сравнительно небольшой набор необходимых товаров может объясняться образом жизни Ксении Николаевны. Она по собственной инициативе организовала школу для крестьянских детей в деревне, где сама вела уроки и занималась их воспитанием, вышла замуж за крестьянина (хотя и с высшим образованием) и вела простой образ жизни. Другим требовались многочисленные наряды для выездов в свет, более богатый продовольственный набор, что в условиях отсутствия даже белого хлеба, несомненно, порождало некоторые неудобства.

Непосредственно перед революцией многие уже чувствовали ее дыхание. Даже абсолютно равнодушные к войне дворянки ощущали, что над страной сгущаются тучи: «В политике все плохо...», «Кругом бушует океан», «На фронте сильное дезертирство... Что-то будет!»³. Еще в конце 1916 г. Ксения Николаевна Боратынская, с восторгом прославляя дворянство, словно чувствовала окончание

его эпохи: «Я ощутила самую душу нашей общественности, ее преданности России, с ее идеей служения народу без всякой фанфары, без самопрасловения, без всякого афиширования своей работы и часто жертвенности. Все, что в нас, как в классе русского земски настроенного дворянства, есть лучшего, встало передо мной так рельефно, так живо! Потрясающе живо, как жив для вас становится дорогой друг, которому, вы знаете, суждено завтра умереть. Вы помните все его ошибки и грехи, но они становятся только тенями!»⁴

И все же свержение монархии и установление власти Временного правительства стало неожиданностью. Ольга Ильина готовилась выйти замуж за офицера Кирилла Ильина и в конце февраля отправилась в Москву, чтобы повидаться с женихом, получившим кратковременный отпуск. Здесь ее и застала революция. Видя массы народа, приходившие в восторг от революционных лозунгов, офицеров, еще вчера носивших погоны императорской армии, а сегодня сменивших их на красные банты, девушка испытала негодование от такой разительной перемены. «Пусть время для революции созрело, пусть необходим был сильный толчок, чтобы поставить Россию на правильный путь. Но они все играли!.. Все эти радующиеся люди ничего не знали, ничего не думали, не понимали о своем отечестве. Они были за революцию. Не за Россию, не с ней. И я была не с ними»⁵. Но в целом Ильина не стремится осмыслить революцию, выработать к ней беспристрастное отношение; она воспринимает ее как данность, обстоятельство, которое уже невозможно изменить, но приходится принимать его в расчет. В Москве она пытается найти жениха, боясь, что он не снимет офицерские погоны и с ним может что-то случиться. Узнав, что Кирилл (в романе она называет его Игорь) остался на фронте и с ним все в порядке, она возвращается в Казань. Здесь, кипя энергией, Ольга погружается в общественную жизнь, противодействует красным студентам сорвать экзаменационную сессию, посещает какие-то собрания, но эти события описывает вскользь, как нечто маловажное. В мае она выходит замуж, что открывает новую страницу в ее жизни; теперь все мысли будут посвящены мужу, и вместе с ним она покинет сначала Казань, а потом Россию⁶.

Ольга Ильина относилась к типу «столичных» дворянок. Хорошо образованная, энергичная, размышляющая, она вела активную светскую жизнь и была наиболее близка к тому образу, который представляют, когда говорят о «высшем сословии». Между тем казанское дворянство представляло значительное разнообразие в стиле жизни, имущественном положении и мировоззрении.

Даже тетка Ольги – Ксения Боратынская – разительно отличалась от племянницы. Также получившая хорошее образование, она направила его не в творческое русло, как Ольга, которая тяготела к поэзии и прозе, а на помощь крестьянам. Эта тяга к крестьянам проявлялась также у ее брата, Александра Николаевича. Он не раз выручал жителей сел и деревень по соседству с его имением в Шушарах, но в то же время держал дистанцию с ними, считая, что крестьяне еще не готовы к самостоятельной жизни, без попечения со стороны дворянства из-за низкого уровня образованности. Боратынский организовывал сельские школы, чтобы исправить этот недостаток, а его сестра решила непосредственно учить деревенских детей. Постоянное общение с простым народом и сама ее приучило к простоте. Имевшая обширные теоретические знания, Ксения слабо разбиралась в политике. Так, она говорила, что склоняется к конституционной монархии, но 20 июля 1917 г. в ее дневнике появляется запись «у власти Керенский, Кропоткин и Плеханов»⁷. Если Кропоткин хотя бы участвовал в работе Государственного

совещания и ему предлагали войти в состав Временного правительства, то Плеханов к органам власти никакого отношения не имел.

Ксения Николаевна ходила и на митинги, где ее охватывал азарт; она хотела выступать, но боялась своего волнения⁸. Этим ее участие в политической жизни того периода и ограничилось. На лето с мужем и детьми она уехала в деревню Крутояр: «сажаем, сеем, как будто и нет на свете революции и войны»⁹. И действительно, в этот период в дневнике Боратынской основное место занимают описание природы и мысли о детях, лишь иногда перемежаемые чрезвычайными происшествиями, такими, как слухи об отнятии имения. Но все они оканчивались благополучно; лишь в декабре, уже после Октябрьской революции Крутояр перешел в ведение государства. В октябре во время большевистского переворота Ксении Николаевне пришлось пережить несколько неприятных дней, но все обошлось. В сентябре 1918 г. ее брата, Александра Николаевича расстреляют, а муж уйдет вместе с белыми, и больше она его не увидит. Несмотря на дворянское происхождение, Ксения Боратынская и в советские годы продолжит работу в школе, благополучно переживет сталинские репрессии и умрет в 1958 г. Возможно, именно ее увлечение педагогической деятельностью и семьей помогло ей в трудное время после двух революций. Она смиренно принимала удары судьбы, не заостряла внимание на бытовых неудобствах и вопреки принадлежности к дворянскому сословию, приняла даже большевистский переворот¹⁰.

Хотя большинство дворянок были настроены против революции, или, в крайнем случае, нейтрально, находились и такие, для которых выступление против правительства являлось одним из немногих способов донести свою позицию и утвердиться в качестве полноправной фигуры в обществе. Известная по событиям первой русской революции 1905-1907 гг., революционерка Вера Булич (по мужу Брауде) показала свой характер еще в детстве, отказавшись посещать уроки закона божьего, за что и была изгнана из гимназии. В последующем она включилась в революционную деятельность и сблизилась с большевиками, в итоге неоднократно бывала в ссылках и лишилась дворянских привилегий, став мещанкой. Хотя формально к 1917 г. она и не была дворянкой, но родилась и воспитывалась Вера в дворянской среде.

Если для Ольги Ильиной одним из главных событий революционного времени стало замужество, которому она посвятила свою дальнейшую жизнь, то Вере Петровне Брауде, которая в феврале 1917 г. родила дочь, было не до семейных дел. Оставив ребенка родителям, она немедленно включилась в революционную жизнь и взялась за организационную работу на партийном попирще¹¹.

Кроме Брауде, известна еще одна «бунтарка» – Лидия Николаевна Коротнева-Закржевская, еще в 1906 г. сосланная в Вологодскую губернию за хранение брошюры издания Казанского комитета партии социалистов-революционеров. В дальнейшем она переменила свои политические взгляды, и в 1917 г., вернувшись из ссылки, организовала в Казани группу анархистов-коммунистов¹².

Точно неизвестно, что стало причиной такого нестандартного поведения. Возможно, это был бунт против неравноправного положения женщин или же обостренное чувство справедливости заставило их выступить против своего окружения. Однако подобные случаи были редкостью и таких дворянок можно считать маргинальными персонами, но в то же время показывающими неоднородность сословия.

Но все же большинство дворянок были жертвами революции. Газеты и архивные материалы того времени пестрят случаями, когда женщинам приходилось отстаивать свои имения от посягательств со стороны новых органов власти. Так произошло с женой полковника Константина Владимировича Молостова, который находился в действующей армии. Она проживала в имении при с. Три Озера Спасского уезда Казанской губернии, заведую устроенным ею лазаретом для раненых и занимаясь сельским хозяйством. В начале апреля 1917 г. Молостов был вызван женой в Спасск по причине аграрных беспорядков. 5 апреля в молодостовское имение приехала уездная продовольственная комиссия; совместно с волостным комитетом и под руководством трехозерского комиссара Вдовина она сняла в имении управляющего и всех служащих. Вскоре крестьяне самовольно стали обрабатывать землю и забрали хранившиеся в имении 15 тысяч пудов семян. Когда же супруга Молостова отказалась явиться в Трехозерский волостной комитет, прибывший милиционер и один крестьянин схватили ее, чтобы потащить в комитет, но раненые солдаты из лазарета отстояли ее силой. В последующем беспорядки в имении Молостовых продолжились.

Для защиты своих земель приезжали даже дворянки из других губерний. Например, товарищ министра внутренних дел Урусов направил казанскому губернскому комиссару А. Н. Плотникову рекомендательное письмо, в котором просил помочь Любови Владимировне Хитрово, которая отправилась в Казанскую губернию защищать свои права, так как по слухам крестьяне самовольно реквизируют принадлежащий ей живой инвентарь, захватывали Луга и требовали удаления с работ военнопленных.

Хотя восприятие революций 1917 г. у дворянок было неоднозначным, варьируясь от полного неприятия до абсолютной поддержки и вступления в ряды революционеров, есть нечто объединяющее их в это тревожное время. Они оказались одним из наименее защищенных слоев общества. Имения, доходы, положение в обществе – все это было утрачено в течение короткого периода. Уже после февраля стали происходить инциденты с попытками завладения землями и имуществом дворян, а с наступлением октября бывшее высшее сословие и вовсе стало изгоем, и многие его представители потеряли родину и даже жизнь. Если мужчины могли сражаться за свои интересы и убеждения, то у женщин практически не было для этого возможностей. Законы не исполнялись, мужья были на фронте, а толпы крестьян хотели земли. В результате дворянки либо бежали со своими супругами, либо принимали новую власть с надеждой на лучшее. Но, несмотря на обстоятельства, многие из них с честью выдерживали многочисленные испытания, не уступая мужчинам, а порой даже превосходя их в силе воли и смелости.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ильина, О. А. Канун Восьмого дня. – Казань: Заман, 2003. – 400 с. ILYINA, O. A. *Kanun Vos'mogo dnya* [The eighth day eve. In Russ.]. Kazan, Zaman publ., 2003, 400 p.
2. Боратынская, К. Н. Мои воспоминания. – М.: Зебра Е: Альта-Принт, 2007. – 538 с. BORATYNSKAYA, K. N. *Moi vospominaniya* [My reminiscences. In Russ.]. Moscow, Zebra E: Al'ta-Print publ., 2007, 538 p.
3. Там же. – С. 390, 398. Ibid., pp. 390, 398.
4. Ильина, О. А. Указ. соч. – С. 227. ILYINA, O. A., 2003, p. 227.
5. Там же. – С. 240. Ibid., p. 240.

6. Там же. – С. 235–252. Ibid., pp. 235–252.
7. *Боратынская, К. Н.* Указ. соч. – С. 400. BORATYNSKAYA, K. N., 2007, p. 400.
8. Там же. – С. 398. Ibid., p. 398.
9. Там же. – С. 399. Ibid., p. 399.
10. Там же. – С. 407. Ibid., p. 407.
11. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан, ф. 30, оп. 3, д. 518, л. 5. *Tsentral'niy gosudarstvenniy arhiv istoriko-politicheskoy dokumentatsii Respubliki Tatarstan* [The Central State Archive of Historical and Political Documentation of the Republic of Tatarstan], fond 30, series 3, file 518, p. 5.
12. Там же, д. 519, л. 52, 53. Ibid., file 519, pp. 52, 53.

Список литературы

- Боратынская, К. Н.* Мои воспоминания. – М.: Зебра Е: Альта-Принт, 2007. – 538 с.
- Ильина, О. А.* Канун Восьмого дня. – Казань: Заман, 2003. – 400 с.
- Миронова, Е. В.* Казанское дворянство и Первая мировая война: опыт благотворительности // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – С. 297–298.

References

- BORATYNSKAYA, K. N. *Moi vospominaniya* [My reminiscences. In Russ.]. Moscow, Zebra E: Al'ta-Print publ., 2007, 538 p.
- ILYINA, O. A. *Kanun Vos'mogo dnya* [The eighth day eve. In Russ.]. Kazan, Zaman publ., 2003, 400 p.
- MIRONOVA, Ye. V. *Kazanskoye dvoryanstvo i Pervaya mirovaya voyna: opit blagotvoritel'nosti* [Kazan nobility and the First World War: the experience of charity. In Russ.]. IN: *Tatarskiy narod i narodi Povolzhya v godi Pervoy mirovoy voyni* [Tatar people and the nations of the Volga region during the First World War. In Russ.]. Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT publ., 2014, pp. 297–298.

Сведения об авторе:

Миронова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, Yelena.Mironova@yandex.ru

About the author

Yelena V. Mironova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at Sh.Mardzhani Institute of History of Academy of Science of the Republic of Tatarstan, Kazan, the Republic of Tatarstan, the Russian Federation, Yelena.Mironova@yandex.ru

В редакцию статья поступила 09.09.2016 г., опубликована:

Миронова, Е. В. Казанское дворянство и революции 1917 г.: женский взгляд // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2017. – № 1/2. – С. 32–38.

Submitted on 09.09.2016, published:

MIRONOVA, Ye. V. *Kazanskoye dvoryanstvo i revolyutsii 1917 g.: zhenskiy vzglyad* [Kazan nobility and the revolutions of 1917: women's view. In Russ.]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2017, no. 1/2, pp. 32–38.